

ОТ РОССИЙСКОГО ОРИЕНТАЛИЗМА К СОВЕТСКОЙ ИРАНИСТИКЕ. ИРАНОЯЗЫЧНЫЙ МИР И ЕГО ИСТОРИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

© 2013

Л. М. РАВАНДИ-ФАДАИ, И. Е. ФЕДОРОВА

С 30 ноября по 1 декабря 2012 г. в колледже Св. Антония в университете Оксфорда состоялась международная конференция **“От российского ориентализма к советской иранистике. Ираноязычный мир и его история: взгляд из России”**, организованная Восточным институтом Оксфорда. Тема конференции говорит о том большом значении, которое зарубежные ученые придают вкладу российских и советских исследователей в иранистику. В ней приняли участие представители научного мира из Великобритании, России, Узбекистана, Австрии, США, Нидерландов.

Целью организаторов было понять, насколько теория Эдварда Саида, автора известной книги *“Ориентализм”* (Нью-Йорк, 1978), изменившего значение и придавшего отрицательный смысл этому слову, подходит к российскому востоковедению. Можно ли эту теорию применять в отношении советского востоковедения? По своему содержанию работа Э. Саида злободневна для Западной Европы и США. Речь в ней идет о вкладе западной, в основном англо-американской и французской, иранистики в утверждение колониального господства Запада над Ближним Востоком и другими регионами “третьего мира”. Он совершенно не знал российской фактуры, почему во всех изданиях книги *Российская империя и Советский Союз* упомянуты лишь мельком, в основном как объект американской или европейской политики, а порой и как сопоставимый с ориентализированным Востоком образ Иного. Ни один из русских и советских востоковедов в ней не фигурирует. Э. Саид подробно разбирает роль европейской беллетристики XVIII–XX вв. в распространении ориенталистских стереотипов, но из русских классиков вскользь упоминает лишь Льва Толстого. Ни Лермонтову, ни раннему Пушкину, в творчестве которых восточная экзотика и покорение русскими мусульманского Востока занимали большое место, в его книге не нашлось места. Еще один важный момент – Россия никогда не была колониальной державой. Все это означает, что для России ориентализм не актуален.

Конференцию открыл глава совета Института востоковедения Оксфордского университета Э. Херзиг, а модератором первой сессии **“Русские востоковеды о Средней Азии”** была его коллега – С. Кронин.

В докладе научного сотрудника Российской национальной библиотеки О.М. Ястребовой (СПб.) *“Размышления о востоковедении: Александр Кун, человек и его наследие”*, представленном в соавторстве с научным сотрудником Оксфорда Арзу Азад, содержалось подробное исследование жизни и деятельности Александра Людвиговича Куна (1840–1888), русского востоковеда немецко-армянского происхождения. Самый важный период его жизни пришелся на службу в Центральной Азии, где по поручению туркестанского генерал-губернатора он собирал рукописи, архивы и другие материалы, а также принимал участие в военных походах в Китаб из Шахрисабза, Искандеркуль, Коканд и Хиву. Значительное число рукописей ученый отправил в Санкт-Петербург в Императорскую общественную библиотеку. Однако с некоторыми он работал до самой смерти, и позже они были переданы в Азиатский музей. Большое внимание в докладе было уделено его *“Туркестанскому альбому”* – коллекции фотографий, на которых запечатлены представители различных народов, населявших Среднюю Азию, их обычаи и национальные костюмы. Биография А. Куна и его вклад в российскую иранистику мало исследованы, и докладчикам удалось на основе архива А. Куна рассказать о его личности и вкладе в иранистику.

Интересную трактовку событий современной истории на основе доклада *“Советское востоковедение в Центральной Азии – Александр Александрович Семенов и его видение таджикской национальной идентичности”* представил научный сотрудник факультета истории университета Оксфорда Маттиас Батис. Он напомнил аудитории, что бывшие советские национальные республики в Средней Азии не стремились получить независимость в начале 1990-х гг., и многие ученые из стран Центральной Азии не согласны с тем, что миссия России имела в Средней Азии колонизаторский характер. Подчеркивая, что некоторые аспекты советского наследия часто справедливо подвергаются критике со стороны местных элит, докладчик отметил, что пребывание в составе Российской империи, а позже Советского Союза внесло существенный вклад в

формирование национального самосознания, государственности и развитие культуры местных народов. В основе этих процессов лежали работы русских востоковедов, в которых изучались этнические и культурные особенности различных народов, формировавшие их национальную идентичность. Труды А.А. Семенова (1873–1958) оказали огромное влияние на политические и научные дискуссии о национальной идентичности народов Средней Азии и о мощном влиянии персидской культуры на Таджикистан.

У. Абдулрасулов (Ин-т истории АН Узбекистана) в докладе “Личная переписка советского востоковеда О.Д. Чехович (1912–1982)” сделал акцент на неизученных ранее аспектах научного творчества одного из самых известных советских исследователей истории Средней Азии в середине века, автора более 80 публикаций в этой области Ольги Дмитриевны Чехович. Проанализировав ее работы “Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVII–XIX вв.” (1954), “Самаркандские документы XV–XVI вв.” (1974), докладчик отметил, что они внесли существенный вклад в разработку проблем развития феодализма, феодальных, земельных и имущественных отношений в Средней Азии. У. Абдулрасулов изучил личный архив О.Д. Чехович, а именно ее переписку с видными советскими иранистами: А.Н. Болдыревым, А.А. Семеновым, М.С. Андреевым, И.П. Петрушевским, О.И. Смирновым, О.А. Сухаревым, З.М. Буниятовым. Он выявил основные научные проблемы, которые волновали О.Д. Чехович, ее позицию по наиболее спорным вопросам средневековой истории Средней Азии, проследил динамику ее оценок. Докладчик также остановился на том, как советские идеологические установки влияли на развитие иранистической науки.

В докладе “Памир и его народы в русской и советской историографии” С. Аксаклова (Лондон) было отмечено, что российские и советские востоковеды посвятили большое количество работ истории Памира начиная с 1895 г. – года раздела территории Памира на сферы влияния между Российской империей и Великобританией. Причем в советский период эти исследования стали более масштабными, и появилась новая отрасль науки “памироведение”, которая охватывала изучение истории, этнографии, языков, культуры народов Памира. Рассмотрев работы А.А. Бобринского, А.Е. Снесарева, М.С. Андреева, А.А. Семенова и Л.Ф. Моногарова, докладчик подчеркнул преемственность в исследованиях российских и советских ученых. Однако, по его мнению, в центре внимания российских исследователей было описание религиозных обычаев, языков и особенностей характера горных народов в сравнении с народами, населяющими равнинную часть Средней Азии. Советские ученые делали акцент на культурных, социальных и экономических преобразованиях в советский период. Докладчик привел множество примеров успешной трансформации “угнетенных и отсталых жителей Памира в свободных жителей Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана”. В целом он положительно оценил советский период истории народов этой части Памира.

Во второй день работы конференции состоялась сессия **“От российского ориентализма к советской иранистике: формирование области исследований”**, которую открыл А.А. Хисматуллин (ИВР РАН), выступивший с докладом “Начало иранистических исследований в России”.

Ученый подчеркнул, что иранистика является сравнительно новой дисциплиной научных исследований как для России, так и для западного востоковедения. Отдельные кафедры азиатских и африканских языков в высших учебных заведениях СССР начали готовить специалистов по Ирану с 1930-х гг. До этого система образования в Российской империи и в Советском Союзе предусматривала подготовку студентов более широкого профиля. Они изучали весь мусульманский Восток и обязаны были владеть тремя или четырьмя восточными языками, например арабским, персидским и одним или двумя тюркскими языками.

Основа востоковедных исследований в Азиатском музее, крупнейшем научном центре, основанном в 1818 г., была заложена немецкими учеными, приглашенными Императорской Академией наук. Это дало возможность не только использовать уже сформировавшиеся в европейской науке академические связи и традиции, но и иметь общий язык с европейскими учеными в прямом и в переносном значении этого слова, поскольку первый журнал, который выпускал Азиатский музей с 1849 г., “Азиатские заметки”, выходил на французском языке. Привлечение зарубежных востоковедов способствовало органичному присоединению русских ученых к единому европейскому научному сообществу, включало их в обмен научными идеями и достижениями.

Л.М. Раванди-Фадаи (ИВ РАН) представила два доклада. Предметом доклада “Изменение географии иранистических исследований” стала структура территориального развития восто-

коведения в России. Докладчик выделила первый этап, который был тесно связан с Петербургом, имевшим богатые научные традиции, когда востоковедные исследования концентрировались вокруг Азиатского музея. Л.М. Раванди-Фадаи отметила большую роль Восточного факультета Петербургского университета, Лазаревского института в Москве и Азиатского департамента МИД в подготовке дипломатических и практических работников. Говоря о втором этапе иранистических исследований (после революции 1917 г.), она остановилась на значении востоковедных центров в Москве и Петербурге для развития востоковедения в отсталых районах Средней Азии и Закавказья, где усилиями ученых из двух столиц были открыты сначала восточные факультеты в университетах, а впоследствии и филиалы Академии наук СССР. Докладчик сфокусировала внимание на структуре иранистических исследований в Азербайджане, Армении и Грузии.

Второй доклад Л.М. Раванди-Фадаи был посвящен роли Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) в советской иранистике. Она подчеркнула его роль в подготовке партийных кадров для республик СССР и стран Востока. Внимание Л.М. Раванди-Фадаи привлекли научная работа, проводившаяся в КУТВе в рамках Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем, и значение публикаций в журнале “Революционный Восток”, важнейшем печатном органе, разрабатывавшем основные тенденции в развитии советского востоковедения в целом и иранистики в частности. Была отмечена роль КУТВа в подготовке и издании алфавитов, грамматик, учебных пособий и терминологических словарей для языков отсталых народов, не имевших письменности до революции 1917 г.

Д.В. Волков (Манчестер, Великобритания) представил доклад “Разрыв или преемственность: организационная структура российского востоковедения до и после 1917 г.”. Ученый показал, что российское востоковедение второй половины XIX – начала XX в. и раннее советское востоковедение (до 1941 г.) можно разделить на четыре основные сферы: академическую, военную, дипломатическую службу и (в случае царской России) миссионерскую деятельность Российской православной церкви. Д.В. Волков привел и проанализировал обширный список литературы по российскому востоковедению и его взаимосвязи с государственной властью, указав на имеющиеся в научном мире существенные разногласия по вопросу преемственности между востоковедными школами царского и советского периодов.

Докладчик кроме представления краткого анализа последних англо- и русскоязычных работ преимущественно в области истории российской востоковедной науки, и в частности иранистики, выделил эпистемологические сдвиги и продолжение дискурсов в исследованиях, выполненных уже после распада Советского Союза, и дал свое видение проблематики “разрыва или преемственности” в контексте взаимоотношений между властью и наукой. Выходя за рамки упрощенной схемы “американско-европейского ориентализма” Эдварда Саида, Д.В. Волков предложил новый анализ российского востоковедения на примере рассмотрения иранистики в Российской империи позднего периода, СССР и постсоветской России посредством концепций французского философа, историка Мишеля Фуко (1926–1984) о хитросплетении отношений “знание–власть”, дискурсах в общественно-социальных науках и роли интеллектуалов в современном обществе, по-прежнему актуальных в западной историографии, но, к сожалению, почти лишенных должного внимания в отечественной.

В докладе “История советской иранистики” И.Е. Федорова (ИВ РАН) показала, что история советской иранистики тесным образом связана с историей России после 1917 г. – историей противоречивой и полной трагических событий, где научные достижения соседствовали с жестким идеологическим диктатом и подавлением творческой мысли.

Предметом доклада явились основные этапы развития иранистических исследований в России с 1917 по 1980-е гг., направления научных исследований, их связь с развитием гуманитарных исследований в СССР. И.Е. Федорова проанализировала борьбу между двумя школами в российской исторической науке: “классической” – историко-филологической, и “современной” – социально-экономической, и ее влияние на иранистические исследования. Она отметила, что наряду с изучением персидского языка, литературных памятников, древней и средневековой истории Ирана в советское время предметом исследований стали экономические проблемы страны, новейшая история, социальная структура. Это в свою очередь обогатило советскую науку. Однако представители нового социалистического востоковедения в целом и иранистики в частности изучали всю жизнь стран Востока под углом зрения освободительной борьбы угнетенного народа против империализма с точки зрения перспектив национально-освободительного движения,

а социально-экономические проблемы – в свете возможности осуществления социалистической революции.

В центре внимания докладчика была роль, которую играл Институт востоковедения РАН (до 1991 г. АН СССР) в комплексном изучении Ирана. По просьбе организаторов И.Е. Федорова остановилась на исследованиях, которые проводились советскими иранистами в годы Великой Отечественной войны, поскольку этот период практически неизвестен зарубежным историкам. Она сделала акцент на том, что московские и ленинградские ученые, эвакуированные в республики Средней Азии, не просто продолжили научную работу, но и заложили основу научных школ в этих районах Советского Союза.

Б. Фрагнер (Вена) в докладе “Советские научные традиции и их влияние на развитие международных исследований, касающихся изучения персидских дипломатических документов: договоров, фирманов, архивной переписки” отметил, что в течение многих поколений востоковеды в Европе изучали дипломатические документы Османской империи. Однако до 1920-х гг. история иранской дипломатии не привлекала внимание исследователей. В.Ф. Минорский, европейский ученый русского происхождения, первым внес существенный вклад в изучение этого вопроса. Его ученики – француз Ж. Обен и немец У. Хинз – продолжили исследования В.Ф. Минорского в Европе. Б. Фрагнер подчеркнул, что на основе трудов названных ученых к 1950-м гг. в Англии, Франции и Германии сформировалась европейская школа изучения персидских дипломатических документов, которая оказала существенное влияние на изучение более широких вопросов истории Ирана.

Анализируя труды В.Ф. Минорского, докладчик отметил, что в их основе лежали традиции российской востоковедной школы. Учителем В.Ф. Минорского был В.В. Бартольд, который вместе со своими коллегами изучал Иран в СССР в 1920–1930-е гг. Б. Фрагнер считает, что до распада Советского Союза советская иранистическая школа в целом и изучение персидских дипломатических документов в частности занимали ведущее место среди ученых Европы.

Модератором заключительной части конференции **“Советская иранистика и политика идентификации”** был известный ученый, специалист по Средней Азии из Ливерпульского университета (Великобритания) *А. Мориссон*. Доклад *Д. Пиккета* (Принстонский ун-т, США) назывался “Советский Союз как государство-преемник: общество ирано-советских культурных связей, иранские левые и советская действительность 1941–1953 гг.”. По его мнению, во время Второй мировой войны и в годы, последовавшие за ней, Всесоюзное общество культурных связей с зарубежными странами (ВОКС) не только вело культурно-просветительскую деятельность, но и занималось пропагандой социалистических идей среди иранцев. Это направление деятельности ВОКС, как подчеркивает Д. Пиккет, стало одной из первых попыток распространить деятельность ВОКС на страны Азии, граничащие с СССР. Для успешного распространения социалистических идей среди иранских левых пропагандисты из ВОКС использовали некоторые научные теории, разрабатываемые советскими востоковедами, например теорию общего культурного наследия Ирана и ряда республик, входящих в СССР. Докладчик отметил, что иранские левые не только воспринимали советскую пропаганду, но и активно использовали ресурсы ВОКС для открытия ирано-русского культурно общества с филиалами в различных регионах СССР. В центре внимания иранской пропаганды были Азербайджан и Узбекистан.

М. Лизенберг (Амстердамский ун-т) в докладе “Советское востоковедение и изучение малых языков (на примере курдского)” отметил, что Советский Союз не был империей в том смысле, в котором это понятие трактовал Э. Саид, поскольку один из основных идеологических постулатов заключался в освобождении угнетенных народов и классов. Тем не менее в исследовании определенных вопросов востоковедная наука отчасти воспроизводила буржуазные концепции. Наиболее ярко это проявилось в изучении курдского языка, занимающего второстепенное место в советских исследованиях по отношению к персидскому, арабскому и турецкому.

Во время дискуссии по докладам организаторы конференции предложили обсудить вопрос о взглядах Э. Саида в применении к русскому востоковедению. Ученые пришли к выводу, что наделавшие много шума более 30 лет назад воззрения автора “Ориентализма” малоприменимы к политике России в Средней Азии и к работам российских ученых.